

Несколько дней подряд зарядил унылый, нескончаемый дождь.

В главном офисе корпорации Пэй воцарилась удушливая, гнетущая атмосфера. Сотрудники боялись лишний раз вздохнуть, со страхом ожидая, кого следующим вызовут на ковер к руководству.

— Какого черта ты делаешь в финансовом отделе, если даже отчет составить не в состоянии?!

Папка из плотного картона больно ударила сотрудника по плечу, но тот лишь сильнее вжал голову в плечи, не смея издать ни звука.

Он считался ветераном компании, старожилом, но сейчас этот статус висел над ним дамокловым мечом, готовым в любой момент опуститься на шею.

Все в корпорации понимали: новый генеральный директор Пэй затеял тотальную чистку. Людей, некогда работавших под началом старейшины Пэя, увольняли одного за другим, и было лишь вопросом времени, когда очередь дойдет до него.

Хотя нет. Уже дошла.

Побледневший финансист, покорно и молча собрав с пола разлетевшиеся листы, трусливо ретировался за дверь.

От Пэй Чана веяло глухим раздражением. Его худощавое лицо застыло безжизненной маской, а на бледной коже резко выделялись темные круги под глазами — следы хронического недосыпа.

С того самого дня он ни разу не поднимался на чердак.

Шкаф, где раньше хранились пакеты с кровью, давно заменили на обычный платяной, а хлипкий запор на чердачной двери сменился тяжелым навесным замком.

В первый день Пэй Чан еще улавливал сверху слабый шорох. На второй день звуки почти сошли на нет. На третий — воцарилась глухая, мертвая тишина.

Прошло уже несколько суток, и было неизвестно, жив ли еще запертый наверху монстр.

С резким шуршанием перо в руке Пэй Чана порвало бумагу и с сухим треском переломилось пополам. Стоявший рядом помощник Сунь инстинктивно затаил дыхание, его спина напряглась как струна.

Еще несколько дней назад эта рука была плотно забинтована, и Пэй Чан с трудом удерживал ручку.

Но больше всего сотрудников пугали багровые следы на его шее, которые не удавалось скрыть ни одним воротником.

Никто в компании не мог связать образ Пэй Чана с бурной личной жизнью. В глазах подчиненных он оставался неприступной, острой ледяной глыбой. Было невозможно даже вообразить, что кто-то способен подчинить его себе и оставить на теле столь откровенные отметины.

Его скверное расположение духа затянулось, заставляя весь офис ходить на цыпочках.

Молчавшая до сих пор ассистент Цзинь положила перед ним новую ручку. Пэй Чан, не поднимая головы, взял её и взял следующий документ на подпись.

Помощник Сунь поджал губы и бесшумно убрал обломки.

Объективно говоря, Пэй Чан был отличным руководителем — решительным, прагматичным и ценящим реальные заслуги. Повышение зависело исключительно от таланта: если ты доказывал свою полезность, то получал всё — деньги, статус, влияние. Пэй Чан умел платить по счетам.

Его губила лишь абсолютная эмоциональная холодность. Его интересовали только сухие цифры и конечный результат, из-за чего большинство сотрудников робели в его присутствии. И все же спорить с тем, что под его началом любые рабочие процессы шли как по маслу, никто бы не решился.

— Генеральный директор Пэй, в половину шестого у вас международная видеоконференция, а в семь тридцать — интервью для журнала. Перенести встречу с журналистами? — спросила заглянувшая в кабинет секретарь.

Пэй Чан взглянул на часы и резко поднялся:

— Нет необходимости. Начинаем совещание.

— Слушаюсь.

Ночью, едва голова Пэй Чана коснулась подушки, его вновь увлек за собой водоворот лихорадочных, путаных сновидений.

В этих кошмарах он то часами стоял на коленях в холодном кабинете, то видел своего беспутного отца, господина Пэя, валяющегося в постели среди бесчисленных любовников. Но чаще всего ему снились глаза старейшины Пэя. Тяжелый, всевидящий взгляд деда стягивался на его шее удушающей петлей.

Он стоял посреди крошечной тьмы, скованный по рукам и ногам, а невидимый аркан сжимался все сильнее, лишая возможности сделать хоть один вдох.

Вдруг в темноте раздался тихий, жалобный собачий скулёж. Но почти сразу тяжелая туфля из дорогой кожи опустилась сверху, безжалостно втоптывая слабое существо в грязь с присущим хозяину высокомерию.

Скулёж перерос в истошный, захлебывающийся визг, который вскоре сошел на нет.

Из пустоты донесся леденящий душу голос старейшины Пэя:

«Пэй Чан, ты осознал свою ошибку?»

Ошибка?.. В чем его вина?!

Глаза Пэй Чана налились кровью. Напрягая все силы, он вцепился в удавку на шее и, сдувая вздувшиеся на руках вены, разорвал ее в клочья, обратив в пепел.

Он резко сел на кровати. В темной спальне стояла мертвая тишина, прерываемая лишь его хриплым, судорожным дыханием.

Пальцы наткнулись на пластырь у кадыка. Скривившись от отвращения, он сорвал его и отбросил прочь.

Привычный мрак и безмолвие впервые вызвали у него приступ удушающей тошноты. Ощущение петли на шее было настолько осязаемым, будто он все еще заперт в своей старой комнате в Старом поместье Пэй — камере, где его держали долгие двадцать восемь лет.

Никто не догадывался, сколько извращенных амбиций и подавленных желаний старейшина Пэй перенес на внука после того, как его собственный сын — господин Пэй — оказался полным ничтожеством.

С раннего детства Пэй Чан рос под гнетом не просто «элитного воспитания». То были побои, бесконечные унижения, подавление воли — изощренное психологическое насилие. До двенадцати лет он не знал, что такое школа. Весь его мир сужался до размеров пыльного кабинета в Старом поместье Пэй. Из него лепили идеальное оружие, беспрекословно соответствующее требованиям тирана.

Никаких лишних эмоций, никакого плача. Запрещено выказывать страх, запрещено привлекать к себе внимание.

Каждый божий день перед глазами стоял спивающийся, жалкий отец, лебезящая прислуга и старейшина Пэй, нависающий над ним гранитной скалой. Он сошел с ума еще в глубоком детстве.

Глаза Пэй Чана пересекла сеточка лопнувших сосудов. Вглядываясь в пустоту перед собой, он выдавил из себя сухой, зловещий смешок.

Спустя мгновение он бесшумно соскользнул с кровати и с потемневшим лицом направился напрямиком к чердачной лестнице.

За дверью царил покой. Навесной замок за эти несколько дней уже успел покрыться тонким слоем пыли.

Всё вернулось на круги своя — к тому самому дню, когда он только переехал сюда.

Тяжело дыша от необъяснимой, клокочущей ярости, Пэй Чан с размаху пнул дверь.

Грохот разорвал ночную тишину; во дворе с насиженных веток с криком сорвались испуганные птицы. Но изнутри не донеслось ни звука.

— Ничтожество, — прохрипел Пэй Чан.

За этим ругательством крылось нечто большее — глухая, бессильная мука, которую он не мог выпустить наружу.

Впрочем, с чего бы ему страдать? Разве в его кодексе прописаны столь жалкие чувства?

Первым правилом, которое вдолбил ему старейшина Пэй, едва мальчик научился понимать человеческую речь, было лаконичное: «Не реветь».

Инструменту не положен выбор. Ему запрещалось радоваться, печалиться, заводить друзей или владеть хоть чем-то личным. Он был лишь бездушным символом на семейном надгробии, строгим логотипом на фасаде главного офиса корпорации Пэй.

Всё, что отвлекало от великой цели, подлежало уничтожению. Его первая игрушка, его первый подобранный щенок, даже первая робкая влюбленность...

Одиночество стало его пожизненным приговором.

Свет в коридоре незаметно погас.

Пэй Чан застыл перед запертым чердаком во тьме. Давешняя вспышка безумия улетучилась, оставив после себя лишь холодную, недвижимую статую. Липкое, безграничное одиночество беззвучно окутало его.

7008 хотела что-то сказать, но передумала, лишь робко выпустив на макушке увядающий бутон.

Спустя вечность изнутри донесся еле слышный шорох.

Цветочек на голове системы мгновенно встрепенулся.

Пэй Чан вскинул голову, в его глазах вспыхнул крошечный огонек.

«Тук».

«Тук».

«Тук».

Медленные, едва различимые удары заставили датчики движения сработать — коридор залило мягким светом.

Световая полоса легла на его плечи. Медленно подняв руку, Пэй Чан прижал ладонь к преграде. Сквозь толщу мертвого дерева до него донеслась слабая, но отчетливая вибрация — словно биение сердца в чьей-то израненной груди.

— Хм... — Он прислонился лбом к косяку, издав тихий, то ли усталый, то ли горький смешок.

Надо же, он и впрямь надеялся найти приют у безмозглого монстра.

Но вопреки этой мысли удушающая хватка на шее ослабла, позволяя сделать глубокий вдох. Опираясь спиной на чердачную дверь, он медленно сполз на пол и прикрыл веки.

А по ту сторону преграды высокий, исхудавший силуэт сидел точно так же, прижав бледную ладонь к дереву напротив ладони человека.

Это был первый визит Пэй Чана в больницу с момента госпитализации его деда.

Старейшина Пэй заметно сдал. Голова его полностью побелела, лицо покрылось старческой гречкой пигментных пятен, а хищный, ястребиный взгляд казался мягче обычного.

Но Пэй Чан знал: всё это лишь искусная маскировка.

— На колени, — ровным, лишенным эмоций тоном приказал старик.

Помощник Сунь и ассистент Цзинь испуганно переглянулись.

Пэй Чан ответил деду прямым взглядом и без малейших возражений опустился на каменный пол.

Хлесткий удар разорвал тишину палаты.

Голова Пэй Чана мотнулась в сторону, пряди волос упали на лоб. На бледной щеке мгновенно проступил багровый след от ладони, а в уголке губ заблестела капля крови.

Старик бил наотмашь. Каждый его удар преследовал единственную цель — долбить подчинение и указать на провинность.

— Ты осознал свою ошибку? — ледяной голос звучал так же деспотично, как и много лет назад.

Пэй Чан выпрямил спину, не отводя взгляда от тусклых, но все еще грозных глаз деда.

Разумеется, он виновен. Ведь в этой семье его виновность определялась исключительно волей патриарха.

Под маской холодного спокойствия в его груди бушевало дикое пламя. Тёмная, липкая ярость клокотала в жилах, выжигая сердце изнутри.

Он разомкнул окровавленные губы и отчеканил каждое слово:

— Я. Не. Виновен.

Снова удар. Брызги крови упали на белоснежную плитку пола, в ушах Пэй Чана зазвенело.

Слизнув соленую влагу с губы, он равнодушно подумал: «А старик всё еще крепок».

Старейшина Пэй прикрыл веки и тяжело вздохнул:

— Я стал стар.

Открыв глаза, он смерил ледяным взглядом стоящих поодаль помощников.

— Стоило мне слечь, как в штате корпорации замелькали новые лица.

Помощник Сунь и ассистент Цзинь похолодели, их ладони мгновенно покрылись липким потом под этим тяжелым взглядом. Хотя старик давно не появлялся в офисе, он по-прежнему держал руку на пульсе.

Пэй Чан медленно поднял голову:

— Да, дедушка. Ты действительно постарел.

Старик повернулся к внуку. В его темных, затуманенных зрачках отразились неприкрытая жажда власти и звериный оскал. Этот щенок окончательно сорвался с цепи, превратившись в матерого, безжалостного хищника.

Старейшина Пэй безучастно отвел взгляд:

— Свободен.

Пэй Чан поднялся, небрежно отряхнул брюки и слегка склонил голову:

— На днях я снова навещу тебя.

Развернувшись, он покинул палату, ни разу не оглянувшись.

Старик долго смотрел в окно на высохшие ветви росшего во дворе дерева, пока сухой,

надрывный кашель не вытолкнул из его горла кровь. Он увядал точно так же, теряя последние соки. Его удел — скорый тлен в сырой земле.

Пэй Чан вырос и вырвался из-под его опеки. Но это не важно. Пусть сейчас внук захлебывается ненавистью — придет время, и он скажет спасибо. В конце концов, именно дед выковал из него того, кем он стал.

Патриарх устремил на угасающий пейзаж за стеклом взгляд, полный мрачного умиротворения.

Когда они вышли на улицу, ассистент Цзинь, не сводящая глаз с его избитого лица, не выдержала:

— Генеральный директор Пэй, зачем вы терпели это? Зачем вообще приехали?..

Пэй Чан вытер пальцем свежую сукровицу у рта и сухо ответил:

— Навестить.

— Но...

— Посмотреть, сколько ему еще осталось, — он безмятежно слизнул кровь с кончика пальца.

Девушка вздрогнула и поспешно опустила голову, не решаясь продолжать расспросы.

Пэй Чан мельком глянул на угол больничного корпуса и ровным шагом направился к машине.

Едва его представительский седан отъехал, из-за поворота показались двое спорящих мужчин.

Менеджер Пэй мертвой хваткой вцепился в воротник рыжеволосого юноши, шипя от ярости:

— Какого черта ты тут забыл?! Я же велел тебе держаться от больницы подальше!

Рыжий грубо оттолкнул его руку и ядовито усмехнулся:

— Вообще-то я тоже его внук. С какой стати мне прятаться?

Менеджер Пэй с трудом подавил брезгливость:

— Тебе нужны деньги? Будут тебе деньги! Просто делай то, что велят, и следи за этим выродком Пэй Чаном. Но соваться сюда не смей! Если поднимется шум, я пальцем не пошевелю, чтобы спасти твою шкуру!

Юноша лишь молча отряхнул куртку и вызывающе оскалился в ответ.

<http://bllate.org/book/20309/2115356>